

СТАТЬИ

К 50-летию Великого Октября

БАНКРОТСТВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

А. В. Игнатъев

После того как Февральская революция разрушила обветшавшую хранину самодержавия Романовых, главным и основным вопросом момента, как отмечал В. И. Ленин, стал мир¹. Внешняя политика выдвинулась на первый план в силу ряда объективных условий². Россия была одной из главных участниц мировой войны, к требованиям которой приходилось приспосабливать и внутреннюю политику и экономическую жизнь. Отсталое хозяйство страны, не выдерживавшее колоссального напряжения, пришло в состояние разрухи, которая грозила перерасти в экономическую катастрофу. В коренном вопросе о мире сталкивались противоположные интересы: с одной стороны, пролетариата и трудового крестьянства, с другой — эксплуататорских классов. В неразрывной связи с решением этого вопроса находились дальнейшие перспективы революции в России. Несостоятельность буржуазного правительства в вопросе о мире в значительной степени предопределила крах всей его политики и облегчила успех Великой Октябрьской социалистической революции.

Изучение причин провала внешней политики Временного правительства тем более важно, что современные буржуазные историки выдвигают различные варианты своих объяснений на этот счет. Наиболее распространена точка зрения, согласно которой Временное правительство находилось «между молотом и наковальней» — стремлением народа («среднего русского человека») к миру и настояниями союзных держав, чтобы Россия продолжала войну, пацифистской программой Петроградского Совета и «трезвыми» расчетами национальной и союзнической политики. При этом одни склонны больше винить за провал внешней политики само Временное правительство, занимавшее здесь якобы двойственную позицию и не сумевшее к осени 1917 г. покончить с войной³. Другие возлагают главную ответственность на союзников, которые не захотели или не могли согласиться на пересмотр целей войны, а тем более на выход России из нее, и, таким образом, косвенно способствовали успеху большевиков⁴.

¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 2.

² См. там же, стр. 152.

³ J. Sh. Curtiss. The Russian Revolutions of 1917. N.Y. 1957, pp. 57—58, 103—104; E. Hölzle. Lenin 1917. Die Geburt der Revolution aus dem Kriege. München. 1957, S. 76; P. Renouvin. Les crises du XX siècle. P. 1957, pp. 93—94.

⁴ G. Kennan. Russia Leaves the War. Princeton. 1956, pp. 22—23; «The Russian Provisional Government. 1917». Documents. Sel. and ed. by R. P. Browder and A. F. Kerensky. Vol. II. Stanford. 1961, p. 1041; R. D. Warth. The Allies and the Russian Revolution. Durham. 1954, p. 188.

Нетрудно видеть, что в основе приведенных взглядов лежит стремление представить дело так, будто внешняя политика русской буржуазии, будь она более гибкой, могла бы не без поддержки союзников привести к совсем иным результатам. Подобная точка зрения отрицает социальную обусловленность провала Временного правительства во внешнеполитических вопросах.

Советские историки, опираясь на труды В. И. Ленина, давно уже показали, что банкротство буржуазного правительства в области внешней политики вовсе не было случайным. Однако обоснование этого положения до недавнего времени давалось в самой общей форме и применительно главным образом к одному основному вопросу — о войне и мире. Эволюция внешнеполитических программ Временного правительства на различных этапах его существования почти не прослеживалась. Исключение составляет работа Н. Л. Рубинштейна, вышедшая в 1927 г.⁵, но и там некоторые периоды освещались лишь бегло. В последние годы исследование внешней политики Временного правительства значительно продвинулось вперед. Появились монографии об отношениях России с союзными державами в 1917 г.⁶, вышел в свет капитальный труд А. Л. Сидорова о финансовом положении России в годы первой мировой войны⁷. Но и в этих работах общие программные вопросы внешней политики буржуазного правительства не получили достаточного освещения. Попытка детального исследования проблемы в целом была предпринята В. С. Васюковым⁸. К сожалению, он в своей интересной книге трактует внешнеполитическую программу Временного правительства несколько упрощенно. Ниже мы постараемся показать это. Отсюда правомерность новых усилий в том же направлении. В предлагаемой вниманию читателей статье показывается, как под влиянием сдвигов во внутренней и международной обстановке менялись задачи, которые ставило перед собой правительство буржуазии и обуржуазившихся помещиков на международной арене. Это позволяет конкретней раскрыть, в чем же проявилось банкротство внешней политики Временного правительства и чем оно было обусловлено.

Когда в февральские дни 1917 г. революционные рабочие и солдаты сбивали со зданий романовские гербы, они в непосредственной форме выражали свое отношение к оставшемуся после Февральской революции наследию самодержавия. Едва ли не наиболее ненавистой народу была захватническая внешняя политика царизма, вовлекшая страну в бесконечную кровопролитную войну за интересы русских и иностранных империалистов. Совсем по-иному относился к тому же наследию пришедший к государственной власти класс буржуазии и капиталистических помещиков. И символично, что Временное правительство решило сохранить царский герб: двуглавый орел, правда, потерял свои короны и опустил крылья, но глядел по сторонам так же хищно, как и прежде.

Преемственность империалистической политики царизма и его буржуазных наследников убедительно показана в работах советских исто-

⁵ Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика керенщины. «Очерки по истории Октябрьской революции». Сборник под ред. М. Н. Покровского. Т. 2. М.-Л. 1927.

⁶ Г. К. Селезнев. Тень доллара над Россией. Из истории американско-русских отношений. М. 1957; А. Е. Иоффе. Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль — октябрь). М. 1958; В. В. Лебедев. Русско-американские экономические отношения (1900—1917 гг.). М. 1964; А. В. Игнатьев. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль — октябрь 1917 г.). М. 1966.

⁷ А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М. 1960.

⁸ В. С. Васюков. Внешняя политика Временного правительства. М. 1966.

риков. Однако в трактовке этого вопроса наблюдается некоторая прямолинейность, выражающаяся в отождествлении международной программы самодержавия и Временного правительства, во всяком случае, его первого состава. Наиболее четко подобная точка зрения выражена в книге В. С. Васюкова, который утверждает: «Внешняя политика Временного правительства явилась прямым продолжением политики царизма. Пришедшая к власти буржуазия не внесла в нее никаких заметных коррективов. Встав у руля государственного управления, она пыталась провести в жизнь ту самую империалистическую программу, которая была выдвинута свергнутым режимом»⁹. Такой вывод является шагом назад по сравнению с точкой зрения Н. Л. Рубинштейна, который давно уже отметил «расхождения в вопросах внешней политики между самодержавием, с одной стороны, буржуазией и капиталистическим дворянством — с другой» и считал, что П. Н. Милюков, став министром иностранных дел, воспринял не царскую программу, а пытался осуществить цели, провозглашенные кадетами еще в 1914—1915 годах¹⁰. Мы увидим ниже, что обстановка не позволила Милюкову принять на вооружение кадетскую программу в полном объеме, но с мнением Н. Л. Рубинштейна — провести известную грань между царизмом и его наследниками — нельзя не согласиться.

Разумеется, внешняя политика Временного правительства сохранила прежний, империалистический характер. Естественна и значительная преемственность ее целей, так как царизм осуществлял внешнюю политику в интересах не только крепостников-помещиков, но и находившихся в союзе с ними верхов буржуазии, причем опирался на комбинации из партий от крайне правых до кадетов¹¹. Теперь кадеты вошли в союз с более правыми политическими силами, и в первом правительстве Г. Е. Львова непосредственное руководство внешней политикой было поручено представителю правых кадетов Милюкову и октябристу А. И. Гучкову.

В то же время нельзя не учитывать, что либерально-империалистическая буржуазия, стоявшая ранее на «левом» фланге правительственных партий, стала ведущей силой в правительстве. Она не могла обойтись без поддержки мелкобуржуазных партий, вынуждена была идти на соглашение с ними, в том числе и в программных вопросах международной политики.

Если царизм в интересах спасения политического господства крепостников-помещиков серьезно колебался, не пойти ли на сепаратную сделку с Германией, то пришедший к государственной власти новый класс цепко держался за продолжение войны. Капиталисты получили при «своем» правительстве неограниченные возможности грабить казну на военных поставках. Господствующие классы рассчитывали на победу Антанты и участие в переделе мира: на Западном фронте ожидалось генеральное наступление союзников, в конце марта к антигерманской коалиции примкнули могущественные США. Правда, оставалось неясным, какой вклад сможет внести на заключительном этапе войны сама Россия: ставка и военное министерство в марте считали, что под влиянием революции и в результате трудностей со снабжением русская армия на два — четыре месяца лишилась способности к активным операциям¹². Все же буржуазия и обуржуазившиеся помещики надеялись, что,

⁹ Там же, стр. 491.

¹⁰ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 352, 356.

¹¹ В конце 1916 — начале 1917 гг. между царизмом и частью правых, с одной стороны, и партиями «Прогрессивного блока» — с другой, появились серьезные разногласия «из-за того, когда и как повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 188).

¹² «Разложение армии в 1917 году». Сборник документов. М.-Л. 1925, №№ 7, 25; «Революционное движение в России после свержения самодержавия». Документы и материалы. М. 1957, № 333.

обладая государственной властью, они смогут ослабить разруху и улучшить снабжение фронта, создать в массах психологический перелом в пользу войны (ради этого можно было назвать ее «оборонительной» и направленной к свержению деспотических монархий и т. д.), использовать моральный авторитет русской революции в целях разложения рядов противника. Сложившееся в стране двоевластие остро ставило перед буржуазией задачу упрочения ее классового господства, наиболее благоприятные условия для чего создавала все та же война. Наконец, активного участия России в войне добивались союзники, с которыми Временное правительство связывали узы финансовой и иной экономической зависимости, а также тайные договоры о переделе мира. Продолжение войны стало генеральным курсом внешней политики Временного правительства.

В пользу версии о полном наследовании Милюковым внешнеполитической программы царизма как будто говорят настойчивые попытки министра иностранных дел сохранить в неприкосновенности старые соглашения о целях войны. Здесь необходимо дать некоторые пояснения. Лидеры русской империалистической буржуазии отнюдь не считали тайные договоры, заключенные царской дипломатией, совершенными. Сам Милюков в показаниях «Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства» указывал, что он поддерживал «общее направление сазоновской политики», но не одобрял «ею политику излишних уступок»¹³. В то же время правительство Львова — Милюкова отдавало себе отчет в том, что состояние армии и страны вряд ли позволяет надеяться на более выгодные условия мира, чем те, которые выторговал у союзников царизм по тайным договорам 1915—1917 годов. Во всяком случае, момент для их пересмотра был явно неблагоприятный. Союзники требовали подтверждения верности Антанте. В то же время они проявляли склонность пересмотреть соглашение 1915 г. о передаче России Черноморских проливов. Но как ни хотелось Милюкову и его единомышленникам хотя бы заморозить на время тайные договоры о послевоенном переделе мира, обстановка заставила внести во внешнеполитическую программу определенные коррективы.

Из двух главных внешнеполитических лозунгов царского правительства — овладение Константинополем и проливами и создание «целокупной» Польши под сюзеренитетом России — последний был видоизменен и отодвинут на второй план. Временное правительство в силу ряда соображений, главными из которых были давление Петроградского Совета и собственное стремление использовать польский вопрос в интересах войны, выступило 17 марта с воззванием о предстоящем образовании независимого польского государства из всех земель, населенных поляками (Выделение польских земель обусловливалось согласием российского Учредительного собрания. Польше хотели навязать военный союз с Россией.) Хотя у русских империалистов и оставались некоторые надежды удержать за собой Польшу, отношение к ней западных союзников делало более вероятным потерю этих позиций.

Зато захвату Черноморских проливов придавалось, пожалуй, еще большее значение, чем прежде. По признанию Милюкова, «приобретение» проливов «в суверенное обладание Россией» служило для него «руководящей нитью»¹⁴. Вокруг этого пункта программы министр надеялся сплести сравнительно широкие слои русского общества, в частности кулака и мелкого хозяйчика, играя в последнем случае на важности обладания «воротами» для вывоза хлеба. Здесь налицо было стремление обрести массовую базу для проведения империалистической поли-

¹³ «Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства». Т. 6. М.-Л. 1926, стр. 367.

¹⁴ «Речь», 11.V. 1917.

тики. Планы в отношении проливов повлияли на подход Милюкова к болгарскому и греческому вопросам. Министр считал желательным исправить «ошибку» царской дипломатии и перетянуть Болгарию на сторону Антанты, что приблизило бы Россию к проливам¹⁵. За согласие Франции и Англии в этом пункте Милюков готов был пойти на уступки в греческом вопросе, где Россию больше не связывали династические соображения¹⁶.

Виды российского империализма на будущее Австро-Венгрии претерпели изменение в части, касавшейся чешских и словацких земель. Если царизм претендовал на единоличное решение их судьбы и планировал создание вассального от России Чешского королевства, то Милюков во всеуслышание признал, что Чехия должна быть свободной, а чехословацкий вопрос получит окончательное решение из рук Антанты¹⁷. Смысл такой перемены заключался в стремлении внести разложение в стан противника; русская политика сближалась здесь с французской и английской.

Временное правительство стремилось оправдать надежды своего класса на то, что интересы буржуазии в области экономических отношений с другими странами будут теперь ограждаться тверже, чем при царском режиме. Предполагалось реорганизовать систему заграничного снабжения России таким образом, чтобы основные вопросы решались впредь в Петрограде и при руководящей роли русских ответственных лиц. Намечалось также развернуть подготовку к послевоенной конкурентной борьбе, причем Временное правительство отказалось утвердить доставшиеся ему в наследство рекомендации экономической конференции союзников в Париже¹⁸. Внешнеполитические цели, преследовавшиеся российским империализмом в Персии, не претерпели заметных изменений.

Правительство Львова—Милюкова унаследовало от царизма определенную систему международных связей, где на первом месте стоял давний союз с Францией, важную роль играли отношения с Англией и новый союз с Японией. Эти узы оно считало нужным сохранить и упорочить, но внесло в прежнюю ориентацию серьезные коррективы. Прежде всего Временное правительство придавало особое значение укреплению связей с Англией, которую русская буржуазия склонна была считать более ценным союзником, чем истощенную войной Францию. К тому же от позиции Англии в большей мере, чем от любой другой державы Антанты, зависело получение Россией проливов. Русская буржуазия и Временное правительство приветствовали вступление в войну США, расценивая эту страну как могучую силу, в первую очередь экономическую, содействие которой обеспечит конечную победу Антанты. С помощью США можно было также надеяться ослабить становившуюся все более чувствительной экономическую зависимость от Англии. К развитию союза с Японией Милюков подходил очень осторожно, не желая нанести какого-либо ущерба отношениям России с Англией и США.

Помимо отмеченных коррективов, внесенных во внешнеполитическую программу царизма, Временному правительству пришлось пойти на пересмотр, так сказать, официальных целей войны. Лидеры мелкобуржуазных партий сначала предполагали не касаться вопросов внешней политики до Учредительного собрания, дабы не нарушить установившееся соглашение с буржуазией. Однако давление рабочих и солдат, жаж-

¹⁵ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 368—369.

¹⁶ Речь идет о связях дома Романовых с греческим королевским домом.

¹⁷ А. Л. Попов. Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг. «Красный архив», 1929, т. 3 (34), стр. 37.

¹⁸ П. А. Николаев. Отклики на Парижскую экономическую конференцию 1916 г. во Франции, Англии и России. «Из истории империализма в России». Сборник. М.—Л. 1959, стр. 412.

давших прекращения империалистической бойни, вынудило их сформулировать условия демократического мирного урегулирования и добиваться от правительства официального присоединения к этим условиям. В самом кабинете Львова обозначилось течение — назовем его условно «левоимпериалистическим», — представители которого склонны были при определении внешнеполитических целей в большей мере, чем Милюков и его сторонники, учитывать реальное соотношение сил на мировой арене и настроения народных масс. 27 марта Временное правительство приняло декларацию, в которой заверяло, что «цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них их национального достоинства, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов»²⁰. Руководители внешней политики приложили все усилия, чтобы эта декларация, сформулированная в духе вильсоновской псевдодемократической фразеологии, осталась документом для внутреннего пользования. Дальнейшие уступки мелкобуржуазным партиям русские империалисты вынуждены были сделать при первом коалиционном правительстве.

Основной программой первой правительственной коалиции являлось наступление на фронте. Именно ради него империалистическая буржуазия сочла целесообразным пойти на временные уступки «революционной демократии» в формулировании целей войны и согласиться на вхождение соглашателей в правительство в безопасном для нее меньшинстве. Буржуазия прекрасно понимала, что наступление, какими бы «страшными» для нее формулами насчет будущего мира ни тешились меньшевики и эсеры, явится фактическим подтверждением союза с империалистами Антанты и США и независимо от исхода создаст благоприятную обстановку для укрепления ее государственной власти. Этой политической, а не военной стороне дела она придавала наибольшее значение.

Новое правительство в официальной декларации от 6 мая провозгласило своей целью «скорейшее достижение всеобщего мира» на основе заявления 27 марта и формулы Петроградского Совета и обещало предпринять подготовительные шаги к соглашению с союзниками в этом духе²¹. Фальшивый характер этих обещаний был тогда же разоблачен большевиками и позднее неизменно подчеркивался советскими историками. Некоторые ученые, однако, не уловив при этом разницы между внешнеполитической программой «откровенных империалистов» и их преемников, стали сводить все различие лишь к более искусной маскировке старых целей²². Между тем еще Н. Л. Рубинштейн правильно подметил, что коалиционное правительство, «не покидая империалистических планов, все же вынуждено было несколько сократить свои притязания»²³. Понять происхождение подобной «умеренности» помогает классово-партийная характеристика первой правительственной коалиции. В ней, как известно, получил официальное закрепление союз крупной буржуазии с мелкобуржуазными верхами. В партийном отношении это был, по словам В. И. Ленина, блок двух блоков: эсеро-меньшевистского с кадетско-правым²⁴. Мелкая буржуазия была допущена даже к контролю над внешней политикой, хотя, разумеется, не в решающем качестве: «мартовский» эсер Керенский стал военным и морским министром, в правительственном совещании для предварительного рассмотрения внешнеполитических вопросов и в аналогичном совещании по военным делам соглашатели получили два места из пяти.

²⁰ «Вестник Временного правительства». 28.III.1917.

²¹ «Европейские державы и Турция во время мировой войны. Константинополь и проливы». Т. I. М. 1925, № CCCXXXI. (В дальнейшем — «Константинополь и проливы»).

²² См., например, В. С. Васюков. Указ. соч., стр. 492.

²³ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 409.

²⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 32, стр. 382.

Рост политической роли мелкой буржуазии объясняет не только внешнеполитическую фразеологию нового правительства, но и передвижку, происшедшую в буржуазно-помещичьей части кабинета. Империалистическая буржуазия выдвинула на первый план ту свою фракцию, которая в наибольшей мере подходила для сотрудничества с соглашателями²⁵. Если в первом министерстве Львова тон, во всяком случае в международных делах, задавали откровенные империалисты Милюков и Гучков, то теперь наиболее активными фигурами стали «левый» кадет, член ЦК партии Н. В. Некрасов, беспартийный, но близкий к «левым» кадетам М. И. Терещенко. Эти деятели в вопросах практической политики смыкались с правыми оборонцами типа Керенского. В отличие от Милюкова они пытались опереться в международных вопросах не только на кулака и зажиточного хозяйчика, но и на часть беднейшего крестьянства и пролетариата, питавшую оборонческие иллюзии.

Какова же была действительная внешнеполитическая программа «левого» крыла русской буржуазии? Оговоримся сразу, что никакого документа или документов, где взгляды Терещенко, Некрасова и их единомышленников на этот счет были бы сколько-нибудь полно и систематически изложены, не существует, так что их воззрения приходится восстанавливать по дипломатическим инструкциям и отдельным высказываниям. Представители рассматриваемого направления исходили из того, что осуществить захватнические замыслы в объеме, закрепленном договорами с союзниками, хотя бы и с внесенными при Милюкове поправками, вряд ли удастся. Во-первых, ослабленная революцией Россия не сможет реально обеспечить за собой все ранее намеченные приобретения. Во-вторых, и с этим нельзя не считаться, народные массы пока решительно настроены против аннексий. К тому же общая военная ситуация заметно ухудшилась: наступление Нивеля на Западном фронте окончилось неудачей, немцы добились значительных успехов в подводной войне на море. Терещенко позднее говорил, что Временное правительство «отказалось от прежней политики П. Н. Милюкова не только из идейных соображений, но и из оценки реальной обстановки...»²⁶. Эта оценка приводила к выводу, что вероятней всего придется, выбрав удобный момент, пересмотреть совместно с союзниками договоры о переделе мира, ставя целью: 1) оградить наиболее существенные интересы России; 2) постараться на основе взаимности несколько ограничить аппетиты партнеров России. Благоприятная обстановка для пересмотра договоров должна была, по расчетам Терещенко, сложиться после того, как русская армия перейдет в наступление и в России восторжествует единовластие буржуазии, то есть не ранее августа²⁷.

Обращаясь к будущему мирному урегулированию с Германией, Терещенко выдвигал на первый план отрицательную часть «русской формулы» (мир без аннексий и контрибуций) и настаивал на недопущении «явных и скрытых аннексий» с ее стороны²⁸. Он, таким образом, ограничивал задачу восстановлением прежней границы Германии с Россией. Если прибавить к этому планы выделить Польшу в самостоятельное государство, против чего правительство с участием соглашателей не могло возражать, станет ясно, что договор 1917 г. с Францией о взаимной свободе установления европейских границ утрачивал для России прежний интерес. И действительно, Терещенко не хотел идти дальше признания за Францией права на Эльзас и Лотарингию (с проведением

²⁵ 8-й съезд кадетской партии, формулируя внешнеполитические задачи, опустил тезис Милюкова о защите «жизненных интересов России» («Речь», 10.V.1917) и тем самым фактически поддержал «левого» кадета Некрасова против лидера партии.

²⁶ См. «Былое», 1918, № 12, стр. 14.

²⁷ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1917 г., д. 98, т. 2, л. 570; «Константинополь и проливы». Т. I, № ССVIII.

²⁸ В. С. Васюков. Указ. соч., стр. 141.

в этих районах формального плебисцита)²⁹. В отношении Австро-Венгрии на первый план выдвигалась, напротив, положительная часть той же «русской формулы» — самоопределение народов, под прикрытием которого можно было присоединить к России Галицию, создать южно-славянскую федерацию и выделить в самостоятельные государства другие славянские земли³⁰.

«Левое» крыло империалистов перестало выставлять непопулярный лозунг захвата Константинополя и проливов, хотя официально об отказе от этой части сделки не объявлялось. На предложение английского посла Дж. Бьюкенена сделать такое заявление Терещенко возразил, что Временное правительство не вправе отказываться от обещанного России, пока оно не убедится в желаниях народа на этот счет (министр, видимо, имел в виду мнение Учредительного собрания. — А. И.)³¹ Терещенко и его единомышленники выступали сторонниками нейтрализации проливов и превращения Константинополя в вольный порт с некоторыми преимущественными правами в нем для России³². Отказ русской стороны от такого дорогого приза, как обладание проливами, должен был, по замыслу Терещенко — Некрасова и К⁰, повлечь за собой пересмотр тесно связанного с договором 1915 г. и недостаточного выгодного для российского империализма соглашения 1916 г. о разделе Азиатской Турции. Конкретный план такого пересмотра, однако, не был выработан. Известно лишь, что Терещенко тогда считал для России «жизненно важными» области Турецкой Армении и Курдистана³³. Выделение этих районов из Турецкой империи можно было обосновать беззастенчивой манипуляцией популярным лозунгом самоопределения народов.

Представители «левого» крыла империалистов понимали, что влияния одной России окажется недостаточно, чтобы побудить союзников сократить претензии, сформулированные в договорах 1915—1917 гг. о переделе мира. Тут они рассчитывали на США, которые не были заинтересованы в реализации заключенных без их участия тайных договоров держав Антанты³⁴. Это давало первой коалиции дополнительный стимул к сближению с Америкой. Все же ориентация Временного правительства на Англию и Францию в мае — июне не изменилась, только английский крен стал, пожалуй, менее ярко выражен. Это объяснялось неопределенностью общей ситуации и надеждами русской империалистической буржуазии, что, быть может, наступление на фронте еще изменит международную и внутреннюю обстановку в благоприятную сторону. А тогда не понадобится пересматривать царские договоры, не нужна будет, следовательно, и поддержка США в этом деле. Влияние указанных расчетов определило выжидательный характер внешней политики коалиционного правительства.

Обстановка двоевластия позволила соглашательскому большинству Петроградского Совета (затем ЦИК Советов) параллельно с государственной дипломатией развить в это время свою собственную деятельность на международной арене. Усилия меньшевиков и эсеров сконцентрировались вокруг созыва международной социалистической конференции. Это собрание социалистов всех мастей должно было, по мысли русских оборонцев, выработать конкретную программу мира и наметить средства борьбы за нее, то есть стать орудием давления на империалистические правительства в пользу демократического мирного урегулирования. Нужно ли говорить об обреченности и вредности для дела револю-

²⁹ «Константинополь и проливы». Т. I, № CCVIII.

³⁰ Там же.

³¹ Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. Изд. 2-е. М. Б. г., стр. 227.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ «Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Июньская демонстрация». Документы и материалы. М. 1959, № 210.

ции этой затее, если даже в России в обстановке двоевластия «давление» на правительство ни на йоту не изменило империалистического характера его политики! Противодействие союзных держав не позволило осуществить созыв международного форума социал-шовинистов и центристов в первоначально намеченные сроки. А после ликвидации двоевластия в России замысел оборонцев был окончательно похоронен.

В результате июльского кризиса и политического резонанса, вызванного Тарнопольским прорывом немцев, место первой коалиции заняло правительство «спасения революции», которое большевики метко окрестили «правительством спасения контрреволюции». Всего через две недели его сменила вторая правительственная коалиция, составленная по типу «общенациональных» военных кабинетов в западных странах. Июль — август — один из самых сложных периодов для характеристики внешнеполитических целей Временного правительства. При поверхностном взгляде кажется, что ничего или почти ничего не изменилось. Те же люди стоят у руля дипломатического, военного и морского ведомств. Оба кабинета формально остаются верны основам международной политики, провозглашенным 6 мая. Дипломатия Терещенко сохраняет выжидательный характер. Но за этим внешним сходством скрывались важные сдвиги, объясняемые изменениями в ситуации и в расстановке классовых и партийных сил. Двоевластие закончилось в пользу империалистической буржуазии. Резко возросла политическая роль реакционной военщины. Правительство Керенского являлось, по характеристике В. И. Ленина, министерством «первых шагов бонапартизма», пытавшимся лавировать между буржуазией и пролетариатом, помещиками и крестьянами³⁵. В партийном отношении первое переходное правительство представляло собой коалицию скатившихся в болото контрреволюции мелкобуржуазных партий с новой буржуазной партией радикальных демократов, о которых В. И. Ленин писал, что они «нечто вроде переряженных кадетов»³⁶. Действительно, радикальные демократы по взглядам и тактике были близки к «левым» кадетам. В сформированном 24 июля кабинете позиции буржуазии еще усилились за счет представителей основной контрреволюционной партии — кадетов. Все эти перемены сказывались на внешнеполитической линии Временного правительства.

Буржуазия и помещики стремились к продолжению войны, создававшей благоприятные условия для окончательного торжества контрреволюции и разгона Советов. Русские империалисты не отказались и от мыслей о захватах. Шансы на победу Антанты, подкрепленной Соединенными Штатами, представлялись им еще значительными. Если бы удалось продержаться в рядах коалиции до конца войны, то можно было бы рассчитывать не только сохранить, но и округлить владения: ведь на некоторых участках фронта русские войска стояли на чужой территории. Продолжения войны с грубой настойчивостью требовали союзники, с мнением которых после провала русского наступления приходилось считаться больше, чем когда-либо. Не случайно представители всех буржуазных и помещичьих партий, участвовавших в июльском «частном совещании» членов Государственной думы, высказались против сепаратного мира³⁷. В то же время господствующие классы знали, что провал летнего наступления и Тарнопольский прорыв резко понизили боеспособность русских вооруженных сил и вероятность реализации тайных договоров в полном объеме соответственно уменьшилась. Поэтому представители русской буржуазии были склонны формулировать свои международные задачи осторожней, чем прежде. Ведущие представительные организации крупной буржуазии в специальной декларации, опубликованной в середине июля, настаивали на том, чтобы внешняя политика

³⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 49.

³⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 32, стр. 191.

³⁷ ЦГАОР, ф. 579, оп. I, д. 378, лл. 1—5.

России основывалась на «полном единении с союзниками» и преследовала цели «ограждения достоинства государства Российского»³⁸. Это создавало почву для сближения «правых» и «левых» империалистов в вопросе о целях войны. Правда, кадеты добивались теперь отказа от проведения в иностранной политике «принципов Циммервальда»³⁹, то есть от линии первой коалиции, но делали это скорее в расчете больше урвать при дележе, чем получить все обещанное в договорах. Характерная черта обстановки того периода заключалась в том, что соглашательские партии в вопросе о войне и мире все больше сближались с буржуазией. Меншевистский лидер И. Г. Церетели заявил 21 июля: «В области внешней политики мы сознаем, что не может быть иного решения, как продолжать войну до тех пор, пока народ выйдет с честью из нее и обеспечит себе те революционные завоевания, которым угрожает военное поражение»⁴⁰. Ему вторил известный эсер Б. В. Савинков: «Мы должны кончить войну без позора»⁴¹. Даже фразеология соглашателей начинала приближаться к буржуазной. Продолжавшаяся возня вокруг проекта Стокгольмской конференции свидетельствовала о том, что они готовы были поддержать «умеренно»-империалистическую программу будущего мирного урегулирования.

В соответствии с волей буржуазии и помещиков правительство «спасения революции» провозгласило своей «первой основной задачей... напряжением всех сил для борьбы с внешним врагом...»⁴². В специальном обращении к союзникам говорилось о «непреклонной решимости продолжать войну», «делать все нужные приготовления для дальнейшей кампании» и давалось обещание, что преобразованные русские армии в нужный час двинутся вперед и завершат «победно великое дело, за которое они вынуждены бороться»⁴³. Итак, снова война до победного конца. Достижение мира, о котором еще недавно говорили как о близкой цели, открыто отодвигалось до будущей кампании. Это обесценивало формальную уступку революционному оборончеству, какой являлось подтверждение верности принципам внешней политики, провозглашенным 6 мая. Замаскировать отход призвана была новая правительственная декларация, опубликованная 8 июля. В ней давалось обещание предложить союзникам созвать в августе конференцию для согласования внешнеполитических принципов и шагов по их реализации с участием представителей русской демократии. На самом деле, как свидетельствуют инструктивные телеграммы Терещенко послан в Париж и Вашингтон, Временное правительство не собиралось в августе всерьез согласовывать с союзниками империалистическую «программу-минимум», считая момент для этого слишком неблагоприятным⁴⁴. Осторожная подготовительная работа, направленная к пересмотру тайных договоров, все же велась главным образом по линии сближения с США, тоже заинтересованными в их ревизии. К развитию отношений с США Временное правительство побуждала политика Англии и Франции, беззастенчиво игнорировавших интересы русского союзника и грубо вмешивавшихся в его внутренние дела, а также стремление ослабить тяжелую экономическую зависимость от держав Антанты⁴⁵. Но русско-американское сближение так и не вышло из зародышевого состояния, одной из причин чему была

³⁸ «Речь», 16.VII. 1917.

³⁹ «Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы». М.-Л. 1932, стр. 213.

⁴⁰ «Речь», 22. VII. 1917.

⁴¹ См. А. М. Зайончковский. Кампания 1917 г. Стратегический очерк войн 1914—1918 гг. Ч. 7. М. 1923, стр. 167.

⁴² «Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис». Документы и материалы. М. 1959, № 230.

⁴³ Там же, № 246.

⁴⁴ Там же, №№ 231, 241.

⁴⁵ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 408—410.

нерешительность самого петроградского кабинета, боявшегося прогнать от «преждевременного» пересмотра тайных договоров.

Образование второй правительственной коалиции внесло во внешнеполитическую программу Временного правительства некоторые новые черты. Занятие кадетами министерских постов не сопровождалось принятием новой правительственной программы. Формально задачи, сформулированные в декларации от 8 июля, остались неизменными. В действительности соглашатели пошли на уступки «партии народной свободы». Еще на совещании правительства с представителями партий 21 июля Терещенко наметил будущий внешнеполитический курс таким образом (мир невозможен, нужно готовиться к зимней кампании), что заслужил похвалу Милюкова⁴⁶. Лейтмотивом обращения второй коалиции к населению, опубликованного 26 июля, являлась необходимость завершить борьбу «достойно чести великого народа». Обращение приветствовалось кадетской «Речью» за «общенациональную» точку зрения и отсутствие налета революционной фразеологии⁴⁷. Но дело было не только в словах. В начале августа Временное правительство поспешило выступить противником мирного посредничества Ватикана, предложившего воюющим коалициям пойти на компромисс. Оно потихоньку похоронило идею августовской конференции, зато взяло на себя инициативу встречи союзников по вопросам дальнейшего ведения войны⁴⁸. Второе коалиционное правительство помогло союзным державам сорвать Стокгольмскую «социалистическую» конференцию. Наряду с большей воинственностью новое правительство пыталось более активно, чем два его предшественника, отстаивать интересы российского империализма. При нем ставка вновь возбудила вопрос об овладении Черноморскими проливами⁴⁹. В конце августа представители русского командования подписали приглашение с вождями 27 племен Курдистана об объединении последних и «дружбе» их со «свободной» Россией⁵⁰. Эти шаги не только дают материал для характеристики внешнеполитических целей второй коалиции, но и служат подтверждением возросшей политической роли военщины в тот период. Временное правительство вернулось и к вопросам послевоенной экономической политики. Задумано было созвать новую союзническую конференцию с участием США и других недавно присоединившихся к антигерманскому блоку стран для пересмотра парижских резолюций 1916 г., выгодных главным образом Англии и Франции⁵¹. Активизация русских империалистов, оживление их надежд на выгодный передел мира были связаны с расчетами на установление военной диктатуры, разгон Советов и окончательное торжество контрреволюции. Разгром корниловщины и углубление общенационального революционного кризиса в России погребли эти иллюзии и заставили произвести новую переоценку ценностей.

Если до осени 1917 г. министры иностранных дел Временного правительства обходились чемоданом с двойным дном, где сверху лежали официальные декларации, а в тайнике хранились документы о действительных внешнеполитических целях, то в дальнейшем этого заурядного атрибута империалистической дипломатии оказалось недостаточно. Потребовался дополнительный, еще более замаскированный тайник, где можно было скрывать расчеты уже не двойной, а тройной игры. Особая сложность дипломатии Временного правительства на закате его существования проистекала из того, что буржуазия в отмеченный пери-

⁴⁶ «Речь», 22.VII.1917.

⁴⁷ «Речь», 26.VII.1917.

⁴⁸ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1917 г., д. 65, т. 2, л. 10.

⁴⁹ Соответствующая директива была отдана главнокомандующим Л. Г. Корниловым 29 июля (ЦГАВМФ, ф. 716, оп. I, д. 248, л. 93).

⁵⁰ «Речь», I.IX.1917.

⁵¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1917 г., д. 99, т. 2, л. 763 об.

од подчинила внешнюю политику страны более насущному вопросу спасения своего классового господства. Достаточно упустить из виду этот главный момент — и внешняя политика Временного правительства предстанет перед нами либо лишенной всякого понимания реальности, либо целиком подчиненной диктату союзных держав.

Разберемся сначала в ее центральном вопросе — об участии России в войне. Временное правительство и командование отдавали себе отчет в бесперспективности продолжения схватки. Ни состояние армии, ни приближение экономической катастрофы не оставляли надежд дотянуть до победы. В решительный успех Антанты не верили даже оптимисты⁵². Дальнейшее затягивание войны представлялось невыгодным для российского империализма, так как время работало уже на противника и на союзников-соперников⁵³. И тем не менее Директория и третья правительственная коалиция не только в официальных заявлениях выдвигали на первое место задачу продолжения войны, но и на практике прилагали все усилия для ее решения. Даже имевшие место в сентябре — октябре многократные попытки сепаратных переговоров противника с союзниками о мире за счет России не побудили Временное правительство к соответствующим решительным контрмерам. Все это вряд ли можно объяснить, как иногда делают, только надеждами на реализацию захватнических планов, зависимостью от союзников, видимостью стабилизации фронта или опасениями, что выход из войны ускорит революционный взрыв⁵⁴, хотя некоторые из названных соображений играли свою роль. Ключ к пониманию кажущегося парадокса лежит, на наш взгляд, в том, что буржуазия перед лицом революционного кризиса готова была жертвовать всем, включая свои позиции на международной арене, лишь бы отвести от себя революционную грозу. Не полагаясь больше только на собственные силы, она стремилась получить вооруженную помощь извне. Обстановка в мире в это время серьезно изменилась. В связи с поворотом в европейском революционном движении международный империализм, по словам В. И. Ленина, «заколебался между войной до победы и сепаратным миром против России»⁵⁵. Намечался сговор империалистов воюющих коалиций против русской революции, предусматривавшей расправу с ней общими усилиями отечественной реакции и иностранной интервенции. При обоих вариантах его осуществления (антирусский мир, затем интервенция или вооруженное вмешательство извне в условиях продолжения войны) очень важно было, чтобы сама Россия не вышла из схватки раньше времени. И русская империалистическая буржуазия руками послушного ей правительства не за страх, а за совесть играла отведенную ей в общем контрреволюционном сговоре роль.

Русские империалисты, решившись пожертвовать своими международными позициями, не могли не торговаться из-за меры делаемых уступок. Первым шагом в этом направлении явилось определение для самих себя программы-минимум условий будущего мира. Этот вопрос оживленно, хотя большей частью негласно, обсуждался в буржуазно-помещичьих политических кругах. В министерство иностранных дел поступило несколько записок на эту тему. Министр иностранных дел сформулировал программу-минимум российского империализма в выступлении перед внешнеполитической комиссией предпарламента 12 октября. Он выдвинул три наиболее существенных условия, «без которых мир заключен быть не может»: 1) сохранение доступа к Балтийскому морю при отсутствии окраинных буферных государств (другими словами, сохранение за Россией ее прибалтийских владений, не исключавшее, впрочем, в данной

⁵² См. «Былое», 1918, № 12, стр. 21.

⁵³ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3557, лл. 25—26 об.

⁵⁴ В. С. Васюков. Указ. соч., стр. 477—480; Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 440.

⁵⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 243.

формулировке возможности «исправления» границы в пользу Германии); 2) обеспечение сношений с южными морями, основанное не на приобретении Константинополя и проливов, а на договорах, причем нейтрализация проливов признавалась приемлемой лишь в том случае, если бы она сопровождалась разоружением великих держав на море; 3) обеспечение экономической «независимости», под которой Терещенко целиком в духе мышления своего класса понимал наиболее выгодную ориентацию⁵⁶. Перечисленные условия не предусматривали новых аннексий⁵⁷. Это была, если так можно выразиться, программа «оборонительного империализма».

Будучи вынуждена отказаться от большей части захватнических замыслов, русская буржуазия одновременно стремилась ограничить притязания союзных держав, усиление которых противоречило ее интересам. Терещенко в том же выступлении в комиссии парламента, отвечая на вопрос кадета Б. Нольде о союзнических соглашениях относительно Турции, заявил: «С нашей точки зрения представляется не только последовательным, но и целесообразным пересмотреть эти соглашения на основе принципа самоопределения народностей... Пересмотр соглашений представляется необходимым не только с точки зрения принципиальной, но и с точки зрения реальной обстановки, то есть в смысле их выгоды и осуществимости. В этом отношении надо прямо признать, что соглашения о приобретениях в Малой Азии являются для нас вредными, так как распределение малоазиатской территории между четырьмя державами сулит нам в будущем серьезные опасности, особенно в случае неполного разрешения вопроса о проливах»⁵⁸.

Выступление министра 12 октября позволяет установить, в какой мере внешнеполитическая часть официальных заявлений Директории и третьей правительственной коалиции соответствовала действительным намерениям Временного правительства. О продолжении войны говорилось выше. Что касается мирной программы, то при образовании Директории Терещенко подтвердил верность прежним обещаниям⁵⁹, включаящим, как мы знаем, созыв межсоюзнической конференции для пересмотра целей войны. Декларация последнего кабинета Керенского содержала обязательства развивать «действенную внешнюю политику в духе начал, провозглашенных русской революцией», и в ближайшее время «в полном согласии с союзниками» принять участие в конференции, где наряду с решением военных задач правительство обещало стремиться к соглашению с союзниками «на почве принципов, возведенных русской революцией». Подтверждалось участие в предстоявшей конференции доверенного лица «русской демократии»⁶⁰. Совершенно очевидно, что обещания Временного правительства проводить демократическую внешнюю политику носили демагогический характер. Но сравнение упомянутых заявлений с «программой», изложенной в выступлении Терещенко 12 октября, позволяет, нам кажется, сделать еще два важных вывода: 1) правительство Керенского хотело использовать заимствованную у соглашателей фразеологию и антианнексионистские настроения трудящихся масс в своих империалистических целях; 2) ареной торга с союзниками сначала думали сделать ближайшую Парижскую конференцию. Сказанному не противоречит тот факт, что Временное правитель-

⁵⁶ «Былое», 1918, № 12, стр. 14—21.

⁵⁷ В них также ничего не говорилось о Польше, но лишь потому, что Терещенко только 2 октября заявил от лица держав Антанты, что «создание Польши, независимой и нераздельной, является одним из условий прочного и справедливого мира и правопорядка в Европе» (АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1917 г., д. 141, л. 110; д. 104, л. 174).

⁵⁸ «Былое», 1918, № 12, стр. 20—21.

⁵⁹ «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общациональный кризис». Документы и материалы. М. 1961, № 175.

⁶⁰ Там же, № 195.

ство под нажимом западных держав довольно быстро отказалось от намерения обсуждать в Париже цели войны. Не говоря уже о возросшей зависимости Временного правительства от союзников, первое в тот момент видело главную цель в разгроме революции с помощью извне, подчиняя этой задаче все остальное.

Нуждаются в объяснении причины, в силу которых Временное правительство, с мая 1917 г. скрывавшее цели войны, могло позволить себе в середине октября изложить перед представителями партий предпарламента свою «национальную» внешнеполитическую программу. Разгадку следует искать в консолидации в сентябре — октябре контрреволюционных сил — буржуазии, помещиков и мелкобуржуазной верхушки. Эта консолидация сказалась и на отношении к внешней политике правительства. Еще при образовании Директории, когда Терещенко заявил о своем намерении следовать прежним курсом, один из кадетских ораторов поддержал его, а лидеры меньшевиков и эсеров не выдвинули возражений⁶¹. Не встретило отпора соглашателей и заявление Терещенко 14 сентября, что «русская политика не будет больше политикой парадоксов»⁶², то есть не будет прибегать к демократическим фразам и жестам, если это невыгодно российскому империализму. Теперь министр мог смело выступить с «национальной» программой. Действительно, его доклад 12 октября, как справедливо отметил Н. Л. Рубинштейн, «не встретил серьезных возражений ни справа, ни слева»⁶³. Меньшевики и эсеры, хотя и сформулировали собственную программу в виде наказа Скобелеву⁶⁴, дали понять, что это отнюдь не требование, а лишь пожелание, которое оставляет «открытой возможность всяких соглашений после обмена мнений с союзниками»⁶⁵.

При Директории непосредственное руководство дипломатическим и военным ведомствами целиком перешло в руки представителей крупной буржуазии и военщины. Подобное же положение наблюдалось при третьей правительственной коалиции, с тем отличием, что ее деятельность направлялась группой министров-кадетов и министров-промышленников. Все это делает выступление Терещенко с «национальной» программой не таким уж непонятным. Не забудем и о том, что главная цель внешней политики Временного правительства осенью 1917 г. — создание благоприятных условий для иностранной интервенции против поднимавшейся в стране пролетарской революции — не была названа ни 12 октября, ни в каком-либо другом правительственном заявлении. Этой цели, своевременно вскрытой большевистской партией, как и другим империалистическим замыслам буржуазных временщиков, не суждено было осуществиться.

Пролетарская революция, возглавленная большевиками, вырвала страну из железных объятий мировой войны, спасла ее от национальной катастрофы и избавила народы России от угрозы порабощения иностранными империалистами.

⁶¹ «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис». № 175

⁶² «Речь», 15.IX.1917.

⁶³ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 443.

⁶⁴ См. об этом подробнее: А. В. Игнатъев, А. Е. Иоффе. Международная обстановка накануне Октября. «Вопросы истории», 1962, № 11, стр. 76.

⁶⁵ «Былое», 1918, № 12, стр. 24.